

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 623.718

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XIII

Buenos Aires, martes, 13 de junio de 1961

Буэнос Айрес, вторник 13 июня 1961 года

№ 594

Н. Поточкин

Вода на большевистскую мельницу

Если хорошенько проанализировать подлинную антибольшевистскую сущность некоторых эмигрантских печатных органов, то нельзя не прийти к заключению, что при всей их критике коммунистического режима на нашей Родине, при всех их разоблачениях творящихся там безобразий, при всей их словесной непримиримости к эксплуататорам нашего народа, в каковую, быть может, верят и сами редакторы и авторы печатаемых в этих органах статей, фактически они льют воду на мельницу хрущевской банды, как только разговор заходит о пресловутом антитезисе “революция — эволюция” и о практических задачах свободного мира и, в частности, русской эмиграции.

С этой точки зрения очень полезно вздуматься в высказывания редактора “Русской Мысли” С. Водова в его передовой статье “Путь к освобождению”, в номере этой газеты от 16 марта сего года.

Соль этой статьи состоит в следующих рассуждениях:

“Когда мы имеем дело с диктатурой коммунистической партии, мы должны твердо помнить, что, как всякая диктатура, она по самой своей природе не способна эволюционировать, и что поэтому она никогда и ни при каких обстоятельствах добровольно не вступит на путь, который может привести к подлинной демократизации режима. Следовательно, только революция может вывести Россию на этот путь. Но она, если это не простой бунт, будет невозможна до тех пор, пока в стране не будет существовать, так называемой, “революционной ситуации”... Она же не создается в один день или даже год. Для этого нужна длительная и упорная работа среди населения, лишенного правдивого осведомления и свободного общения с людьми Запада. Другими словами, надо всеми нам доступными средствами способствовать эволюции народов СССР, всячески ее ускорять и по возможности направляя в сторону борьбы с властью, неспособной эволюционировать. Так постепенно будет создаваться “революционная ситуация”, которая одна может гарантировать успех революции. Не нужно при этом запугивать себя и других перспективой кровопролития: не все революции им сопровождаются. Весь вопрос заключается в том, насколько созрела “революционная ситуация”. Может наступить момент, когда власть, как выходящее дерево, падет от малейшего толчка”.

“Таким образом, с моей точки зрения, существует только один путь к освобождению России: эволюция (духовная, политическая и материальная) населения, которая рано или поздно приведет к образованию “революционной ситуации”. А эта последняя создаст условия, обеспечивающие успех последнего акта — свержения власти. Все остальное от лукавого. Из этого вытекают и обязанности эмиграции, по крайней мере той ее части, которая не отказалась от борьбы. И чем активнее и целесообразнее будет ее помощь народам России на пути эволюции, тем скорее начнут расти и крепнуть революционные настроения. Но для ведения подобной работы не нужны никакие массовые организации или широкие политические объединения. Эмигрантских воздушных замков уже было немало. Трудиться над постройкой новых, право, не стоит. Надо думать не об этом, а о том, какие лозунги, яркие, сильные, привлекательные, какая программа, ясная и в то

же время обстоятельная, могут воодушевить народ и поднять его на священную борьбу за свою и России свободу”.

С первым утверждением г. Водова, которое, впрочем, никакого “открытия Америки” не представляет, не согласиться невозможно: никакой эволюции в сторону подлинной демократизации режима хрущевской банды ожидать нельзя, ибо это означало бы для нее прежде всего лишение ее того жирного пирога, к которому она присосалась, жесточайшим образом эксплуатируя трудовые силы нашего народа и его национальное достоинство.

Что в данный момент в СССР невозможно также и никакая революция, это тоже ясно как день, вопреки уже несколько лет расточаемым вещаниям товарищей-солидаристов о том, что эта революция вспыхнет там не сегодня-завтра (впрочем, нужно признать, что в последнее время пророки из НТС в этом отношении заметно увяли).

Но вот относительно необходимости и целесообразности “длительной и упорной работы” по созданию там “революционной ситуации” на протяжении нескольких, а, быть может, и многих лет, с г. Водовым согласиться совершенно невозможно и вот почему:

Прежде всего, неужели он считает кремлевских владык настолько политически неопытными и лишенными самого простого инстинкта самосохранения людьми, чтобы допустить возможность того, чтобы они никак не реагировали на рост в населении этой самой “революционной ситуации”, то есть не принимали бы никаких мер для парализации этого роста? Совершенно ясно, что успехи этой ситуации возможны только на почве растущего недовольства населения своим правовым и экономическим положением. Между тем, новые полсоветские поколения уже с раннего детства воспринимают скудость и убожество их существования, как нечто обычное, быть может, неприятное, но, все же, кое-как терпимое, в особенности при всяческих существующих лазейках “блата” и всякого рода ловчих и изворачиваний, которые дают возможность обкрадывать власть и кое-как сводить концы с концами. И когда эта власть бросает этим широким массам даже незначительные подачки в смысле ничтожного вообще, но для них все же ощутительного улучшения в их убогом существовании, то эти массы очень легко поддаются на эту удочку, готовы рассматривать своих правителей как своих благодетелей или даже благодетелей и никаких революционных настроений по отношению к ним испытывать не будут. Сегодня чуть-чуть больше мяса или молока, завтра чуть-чуть дешевле ботинки или костюмы, послезавтра выгонят кое-кого из припешников власти, уже через чур оскандальвившихся в исполнении своих обязанностей, — и вот населению представляется, что “жить стало лучше”, значит, можно потерпеть еще несколько лет, чтобы жить стало совсем весело. Так эта власть и поступает, и будет поступать и в будущем, а потому фактор прогресса “революционной ситуации” нужно признать весьма проблематичным.

Если же, скажем, в результате усиленной пропаганды из-за границы или подлинно революционной работы российской национальной эмиграции, в стране появятся зародыши революционного подполья и станут развиваться в масштабах, которые власть найдет

для себя опасными, то может ли г. Водов быть уверенным в том, что эта власть не перейдет к мерам гораздо более решительным? В чем гарантия того, что такой доблестный сотрудник Сталина, как Хрущев, посоветится или побойится (кого?) перейти к самым классическим формам коммунистического террора с максимальным развитием чекистских застенков и массовых расстрелов? Что же будет тогда с этой самой “революционной ситуацией”?

Но и не в этом только полная проблематичность метода работы на усиление революционизации широких масс нашего народа. Самое главное в том, что если для успеха этого предприятия необходимы долгие годы, то спрашивается, какие же неисчислимые жертвы понесет еще наша страна в течение этого периода и от природных деффектов коммунистической системы, и от употребления ею колоссального процента российского национального достояния на подготовку мировой революции путем финансирования всех сил Зла, помогающих Кремлю в этой основной его задаче? Сколько еще погибнет лучших людей нашего народа, которые, следуя рецепту Водова, посвятят свои усилия на служение делу подготовки национальной революции, и сколько еще будет промотано богатейших ресурсов нашей Родины во имя торжества этого Зла?

А потому мы позволяем себе категорически утверждать, что свержение советской власти, абсолютно невозможное силами самого русского народа — ибо эта власть ни в коем случае не допустит вызревания революционной ситуации до уровня грозной для нее опасности, — возможно только в результате военного погрома этой власти. События в Лаосе и в особенности на Кубе показывают в особенно ярких красках тот факт, что московский Центр Мирового Зла неутомимо и с полным напряжением всех подвластных ему сил стремится к порабощению себе всего остального мира и не остановится в этом стремлении никогда вплоть до конечной своей победы, если только не будет остановлен путем применения еще более мощной и еще более беспощадной в отношении к нему силы. А потому мы вправе назвать призывы г-на Водова к русской эмиграции ограничиться помощью нашему народу на путях созревания “революционной ситуации” водой на мельницу большевизма, ибо такая помощь не только для кремлевской верхушки не страшна, но и выгодна, ибо будет отвлекать политическую энергию национального и политически-активного зарубежья на пусторожонную растрату своих сил и средств. Особенная муть этой воловской воды видна в его совете отказаться от создания крупных политических организаций и объединений в зарубежье, которые являются “эмигрантскими воздушными замками” — ибо, даже стоя на платформе утверждений г. Водова, нужно задать вопрос, каким же образом смогут содействовать росту революционизации российских народных сил какие-то жалкие и бедные материально кучки или даже единицы среди нашей эмиграции?

А потому именно все эти вещания и советы г. Водова — от лукавого! Одно из двух: или свободный мир станет жертвой Кремля в результате постепенного захвата им всех ключевых позиций этого мира, а затем последнего и решительного удара по тем контрреволюционным силам, которые к тому моменту еще будут существовать, — или свободный мир выйдет из полосы своей политической летаргии, поймет, что на мировом циферблате — “без пяти

минут”, и что его спасение только в мощном превентивном ударе по голове уже готового торжествовать победу врага.

Исходя из такого понимания современного положения в мире и учитывая нарождающиеся очертания пробуждения инстинкта самосохранения его свободной части, русская национальная и политическая активная эмиграция должна поставить себе две задачи:

Во-первых, мобилизовать все свои ресурсы и возможности (что возможно как раз только на путях создания мощных политических организаций, способных к пропагандной работе самого крупного масштаба) для того, чтобы содействовать скорейшему созреванию в руководящих сферах свободного мира сознания необходимости скорейшего производства хирургической операции в мировом масштабе для удаления коммунистической язвы, способной отравить и задушить весь мир, и, —

во-вторых, уже теперь заняться овладением души нашего народа теми “сильными и притягательными лозунгами” и той “ясной и основательной программой”, о необходимости наличия которой у эмиграции говорит совершенно правильно и г. Водов. Это нужно для того, чтобы, в тот момент, когда совершится военный разгром центра дьявольских сил в Кремле и когда наш народ получит возможность сам свободно решать свою судьбу — хотя бы даже (мы не боимся столь “страшных” для некоторых перспектив) в условиях оккупации территории нашей страны — оккупации, мы твердо в этом убеждены, лишь временной — победившими силами свободного мира, — он не оказался бы в состоянии духовного разброда, но был бы уже вооружен именно теми сильными и притягательными лозунгами, о которых пишет г. Водов, то есть имел бы уже твердое, ясное и непоколебимое убеждение в том, что именно нужно поставить на месте свержнутой власти и какой именно политической, социальной и хозяйственной строй должен прийти на смену обанкротившейся и антинародной системе марксизма-ленинизма.

В этом пункте наше разногласие с г. Водовым будет только в одном: он, с его единомышленниками типа Вишняка, Абрамовича и Ко., под “яркими, сильными и притягательными лозунгами” понимает реставрацию “нетленных ценностей” Февраля, то есть уже совершенно прогнивших и обанкротившихся принципов парламентарной демократии — и в этом отношении эта компания является самыми подлинными реакционерами и мракобесами, ибо слугами системы, извратившей и изгадившей самые светлые мечты человечества, — мы же должны уже теперь употребить все наши силы и средства, чтобы завладеть душами нашего народа путем привития им подлинно ярких и могучих идей, отвещающих основам русского народного духа и его насущнейшим политическим и экономическим потребностям. И для нас на первом месте среди этих идей стоит лозунг Народной Монархии, как единственной гарантии для свободного расцвета всех духовных сил и материальных ресурсов нашей великой страны и ее талантливого и устремленного к высочайшим идеалам народа, — к идеалам Божьей Правды и осуществления заветов Христа. Если они временно, в результате коммунистической пропаганды и коммунистического воспитания, в новых российских поколениях в значительной их части загнаны в область подсознания, то именно нашим долгом и является вывести эти духовные ценности и поверхность народной души к моменту, когда перед нею откроются

СООБЩЕНИЕ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА В НЬЮ ИОРКЕ

8-го марта 1961 года конгрессмен Дэниэл Дж. Флуд внес в Палату Представителей проект резолюции, обозначенной № 211. Исходя из принятого в 1959 году Конгрессом закона 86-90, установившего, так наз., недели порабощенных наций, конгрессмен Флуд предложил Палате Представителей создание особого постоянного комитета по делам порабощенных наций и повторил в своем предложении перечисление этих наций, включенное в закон 86-90, дополнив это перечисление Тибетом и Россией, понимаемой им, как часть современного РСФСР, без «Казаккии» и без «Идель-Урала». В тексте этой резолюции весь, так наз., коммунистический блок, то есть не только СССР, но и страны, захваченные коммунистами, но не вошедшие в СССР, был назван «красной Российской Империей».

В связи с этим, по почину Российского Политического Комитета в Нью Йорке, председатель этого Комитета Б. В. Сергиевский и его члены А. Л. Толстая и И. И. Сикорский обратились 24-го мая с письмами к Государственному Секретарю и к председателям комитетов иностранных дел Сената и Палаты Представителей. В этих письмах названные лица возразили против возможности принятия резолюции Флуда Конгрессом и против русофобской тенденции этой резолюции. К письмам была приложена памятная записка следующего содержания:

«Мы отмечаем с удовлетворением и с благодарностью интерес к судьбе порабощенных наций, жертв коммунизма, проявленный депутатом Флудом. Мы признаем необходимость создания по-

горизонты свободного устройства жизни народа и воссоздания его подлинной культуры.

И мы, народные монархисты, можем гордиться тем, что у нас эта якая и сильная Идея НАРОДНОЙ МОНАРХИИ уже существует и что мы, по мере своих, пока еще слабых сил, передаем ее нашим подъяремным братьям. И тут позволительно спросить г. Волова: ну, где же такая Идея и такие лозунги у того сектора нашей эмиграции, к которому принадлежит он? «Кронштадтские тезисы» Петрова-Скитальца или «функциональная собственность» товарища Поремского? Учредилка товарища Вишняка или «приговоренность к социализму» товарища Абрамовича? Неужели за 40 лет нашего пребывания в эмиграции эти великие идеологи и мыслители, претендующие на роль вождей в новой России, оказались духовно настолько импотентными, что весь их духовный багаж заключается в потрепанном чемоданчике со столь же затрепанными лозунгами? И, самое главное, каким беззастенчивым нахальством надо обладать, чтобы, при наличии столь богатых идейных ресурсов, претендовать на роль пророков и учителей национальной и антикоммунистической эмиграции и поучать ее, как именно она должна проявлять на деле свою любовь к родной стране! Нужно поистине быть лишеными самого элементарного чувства юмора и политического такта и минимума национального самосознания, чтобы думать, что со страниц нашей истории вычеркнуты и забыты те доказательства полнейшей политической бездарности, отсутствия самого примитивного здравого смысла и наличие самой презренной трусости в момент первых натисков большевизма, которые эти господа проявили весной и летом 1917 года! И, в конечном итоге, совершенно понятно, почему г. Волов оказывается на столь низком уровне политического мышления, что — быть может, и не желая этого, — своими рецептами для поведения русской эмиграции может только лить воду на мельницу Никиты Хрущева, который, несомненно, будет радоваться всей душой, когда национальная русская эмиграция перестанет стремиться к созданию мощных и активных группировок, способных лить на его мельницу расплавленный металл сконцентрированной ненависти подлинно русской души, и когда она, эта эмиграция, займется — на протяжении десятков лет — невинной забавой создания и укрепления той «революционной ситуации», на которую кремлевским властям и их оппортунистам с высокого забора наплевать!

Н. Потоцкий

стоянного комитета, указанного в его проекте, и одобряем указанные в этом проекте задачи такого комитета. Мы, однако, полагаем, что некоторые части резолюции деп. Флуда должны быть пересмотрены, так как в существующем виде эта резолюция принесет больше вреда, чем пользы Соединенным Штатам и борьбе свободного мира с коммунизмом.

Так же, как и резолюция, принятая Конгрессом в июле 1959 года, предложение деп. Флуда написано так, что оно может быть истолковано, как документ, направленный против России, как государства, и против русского народа более, чем против коммунизма. Резолюция деп. Флуда называет всю территорию, захваченную коммунистами, «красной Российской Империей». Мы возражаем против этого определения. Можно ли называть Польшу, Чехословакию, Венгрию, Болгарию, Румынию, Восточную Германию, Китай, Северную Корею, Северный Вьетнам, часть Лаоса и Кубу «красной Российской Империей»?

Россия и русский народ были первыми жертвами коммунистической агрессии и преступлений интернационального коммунизма, в которых нельзя обвинять одних только русских.

Наше второе и решительное возражение направлено против перечисления наций, подлежащих «освобождению». Несомненно, часть этих стран и наций имеют полное право на перечисление в списке порабощенных народов, но включение других, никогда не существовавших или составляющих нераздельную часть собственно России дает коммунистам в руки сильное пропагандное оружие и возможность обвинять Соединенные Штаты в агрессивных намерениях и в обещании содействовать расчленению и уничтожению России, как государства.

В настоящее время гораздо целесообразнее исключить из резолюции список порабощенных наций, чем принять список в том виде, в каком он был включен в резолюцию Конгресса в июле 1959 года и в проект деп. Флуда. В качестве примера страны, которую не следует «освобождать» силой, можно назвать ту часть России, которая ныне именуется Украиной.

Российское государство возникло тысячу с лишним лет тому назад не в Москве, но в Киеве, который, по словам современных сепаратистов, должен считаться столицей Украины, но для каждого русского Киев есть «мать городов русских», колыбель русского государства. Великороссия никогда не захватывала Киева. Рост России, как государства, начался из Киева и основание Москвы было последствием этого роста. Пропаганда отделения украинской части России от Российского государства дает коммунистам право сказать, что не только Порто-Рико и Техас должны быть «освобождены» от Соединенных Штатов, но и что первые семь штатов должны стать независимыми от Вашингтона.

Если мы считаем благом единство Соединенных Штатов, если Линкольн был одним из наших наиболее любимых и уважаемых государственных деятелей, мы не должны считать единство исключительно нашей национальной прерогативой и мы обязаны прекратить пропаганду, требующую расчленения Российского государства. Такая пропаганда всегда будет приносить больше вреда, чем пользы, даст коммунистическим правителям России сильное оружие для борьбы с нами, укрепит патриотизм русского народа и его готовность к борьбе.

История учит нас: русский народ всегда сопротивлялся всем попыткам расчленения, как, например, в войнах против Карла XII Шведского, против Наполеона, против Вильгельма II и против Хитлера.

Мы приветствуем создание постоянного комитета и призываем этот комитет к отказу от русофобской тенденции, мы призываем его задуматься над судьбой первой жертвы коммунизма, русского народа, и помочь его освобождению. С освобождением русского народа, оковы всех других порабощенных наций падут сами собою.

Принятие резолюции деп. Флуда в предложенном им виде только укрепит позицию международного коммунизма».

П. Панин

Эрзац-мышление

См. журнал «Свобода» № 1, «Коммунистические эрзацы» и пр.

Символ веры: — «Принципы сменяемости власти, ее ответственности, ограниченности ее прав стали само собою разумеющимися». Если бы не было на свете волка...

Принцип сменяемости ведет как раз к безответственности, к легкому пониманию власти как со стороны народа, так и со стороны самой власти: калиф на час. Ограниченность ее прав еще более подчеркивает это положение. О какой настоящей ответственности представителя власти может идти речь, если он вперед знает, что он — только на сегодня, а завтра же придет другой, который может быть отменит и разрушит все то, что хотел бы создать он, сегодняшний; и, зная при том, что любой крикун и шалопай может возвыситься против него голос и путем каких-нибудь махинаций убрать его с места?.. В таких условиях человек совершенно естественно начинает руководиться не совестью, а условиями минуты и личными интересами по преимуществу.

Принцип сменяемости перекладывает ответственность с субъекта власти на неопределенный объект народа, избирающего власть, вместо концентрации ответственности на определенном лице распыляет ее на безликое и неизвестное множество; понятия субъекта и объекта спутываются, народ сам становится властью, и народоправие переходит в своеволие народа. Если мы знаем, что представители несменяемой власти обычно долго готовятся к ней идеей, предшественниками и окружением, и непригодные к ней так или эдак отводятся, то мы также знаем, что приготовить сознательный народ в сущности невозможно: народ растет, стареет и умирает по своим особым законам роста. И сменяемая власть, вкупе с его несознательностью, как раз и создает катастрофы. Приготовить нельзя; а обмануть — очень просто.

При несменяемой власти такое восприятие собственной безответственности может быть явлено в еще большей форме; это мы видим на примере всяких диктатур, феодализма, деспотизма, коммунизма и пр. и пр. Значит: дело не в форме. Дело в том, кто приходит к власти. Сменяемость власти открывает дорогу для всяких ловкачей, интриганов, проходимцев, для всей сумы тайных, закулисных влияний и сил. Конечно, всем им, таким, совершенно наплевать на всякую ответственность; большей частью это — легковесные, беспринципные, честолюбивые люди, выдвинутые кем-то другим и другими руководимые. Совесть здесь полностью отсутствует. Диктатура — опирается на собственное «я»; поэтому все зависит от качества этого «я». Диктатор может быть и типа Робеспьера, и типа Хитлера, и типа ген. Франко. Все зависит от того, как диктатор понимает слово совесть. Это же самое лежит и в основе монархии: как монарх понимает слово совесть. Но — удивительное дело: оглянитесь назад всю галерею русских императоров, царей и князей, — и вы почти не найдете образов заведомой бессовестности и безответственности, какой нам являет, например, «сменяемая» Февральская власть. Был Святополк Окаянный, да и тот пропал без вести. Я не буду сейчас говорить о Западе; но сравнивать Керенского или какого-нибудь Трумана или Рузвельта — в отношении совести — с нашими императорами, — такое даже и в голову не полезет. Кошунство.

Почему же это?.. Потому что все князья, цари и императоры наши правили народом не на основе своей силы и несменяемости, а от имени Бога, — то есть на основе совести. Вот это и помогало им, даже и в такие темные и жестокие годы, как годы Иоанна Грозного, строить и создавать великую, славную Русь. Еще Русская Правда (!) стремилась отвергнуть смертную казнь. Что подобное возможно было тогда на Западе? И вот этим-то велением совести и руководились русские цари на всем протяжении нашей истории. Порой жизнь выбивала их из колеи, порой их собственное могущество туманило им головы; но в конечном счете все они, от первого до последнего, видели над собой Высшую Волю.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ПИСЬМО СЕНАТОРА ДЖЭВИТСА

Нам пишут из Нью Йорка:

12-го марта 1961 года сотрудник «Нашей Страны» С. Л. Войцеховский обратился письменно к сенатору Джэкому К. Джэвитсу, который в 1959 году активно способствовал в Конгрессе Соединенных Штатов установлению, так наз., недели порабощенных наций. Закон, принятый Конгрессом при содействии сенатора Джэвитса, получил в русской эмигрантской печати название «закона о расчленении России».

С. Л. Войцеховский обратил внимание сенатора Джэвитса на заявление шестнадцати профессоров американских университетов о необходимости отмены этого закона и на вред, причиненный этим законом борьбе с коммунизмом и интересам Соединенных Штатов.

19-го мая 1961 года сенатор Джэвитс ответил С. Л. Войцеховскому письмом, в котором, между прочим, написал: «Я очень Вам признателен за эту информацию и за сообщение Вашего мнения. Вы можете быть уверены в том, что оно будет принято мною во внимание».

ПЕРЕМНЫ В АМЕРИКАНСКОМ КОМИТЕТЕ

Нам пишут из Нью Йорка:

В Американском Комитете Освобождения произойдут в ближайшем будущем дальнейшие перемены, о неизбежности которых «Наша Страна» сообщила 11 апреля с. г. Бывший представитель Комитета в Мюнхене И. Пэч вступил в исполнение обязанностей директора политического отдела вместо вышедшего в отставку Э. Кунигольма. Премник Пэча в Мюнхене, бывший помощник американского морского агента в Москве Дрейер, отозван из Германии и уходит со службы Американского Комитета. Со службы Комитета уволен также один из главных руководителей его радио-передач, Б. Шуб, оставивший по себе дурную славу неприемлемого противника русской политической эмиграции.

ОБЛИЧЕНИЕ МИТРОПОЛИТА НИКОЛАЯ

Нам пишут из Нью Йорка:

Иерархи и духовенство Русской Православной Церкви за границей получили разосланную по почте из Парижа брошюру проф. С. В. Троицкого: «О неправде Карловацкого раскола». Отправителем этой брошюры был указан митрополит Николай, представитель Московской Патриархии в Париже.

В связи с этим, один из наиболее известных и заслуженных пастырей Русской Православной Церкви, протопресвитер о. Адриан Рымаренко, эмигрировавший в России в 1943 году после многочисленных испытаний, перенесенных им в Киеве и в других русских городах, опубликовал открытое письмо митрополиту Николаю.

«Ваш титул, отправляющего книгу, — сказано в письме протопресвитера Рымаренко, — говорит, что Вы служитель Церкви Христовой, но Ваши действия показывают, что Вы не знаете Христа. Если бы Вы знали и жили бы Христом, Вы не прислали бы мне этой книги. Как Вам не страшно, что будет? Ведь перед Вами, как и перед каждым человеком, открыта могила. Что ждет Вас? Неужели у Вас убита совесть? Я не написал бы Вам этого письма, если бы Вы были в Москве, но ведь Вы в Париже, в свободной стране. Подумайте, что Вы делаете, кому служите...»

Ни в ком это так выпукло и резко не проявилось, как в неистовом Иоанне Грозном: от победоносных войн он бросался к казням, от казней — к молитвам, от молитв — к реформам, от реформ — к убийству митрополита, от убийства — опять к молитвам... А совесть ставила и ставила ему требования. И остался он в памяти народа Грозным, а вовсе не Ужасным, террибл, как воспринимает это Запад. Последних наших императоров уже с полным правом можно считать образцами совести.

Сменяемость власти, при многоликости и разрозненности народных стремлений, неотвратимо ведет к захвату ее организованной подлостью. Такое и случилось в Октябре. Блуждающая Февральская власть, с ее звонкими, демагогическими лозунгами и лукавыми

М. М. Спасовский

„Опавшие листья“ Розанова

Вас. Вас. Розанова — этого крупнейшего русского мыслителя, талантливейшего изобразителя глубоких мыслей и замечательного идеолога Русского Монархизма и Святого Православия — надо знать, обязательно надо знать в наше лукавое и подлое время, когда муть, вранье и всяческая мерзость захлестывают мир и тянут нашу душу и ум в омут извращенного представления о правде и долге. И когда нам, любящим свою величавую Историю, необходимо как можно лучше вооружить себя в борьбе за свою Землю, за всю ее культуру исключительной ценности, за святость ее духовной красоты и постижений.

Как при жизни этого в высокой степени оригинального русского мыслителя,

делами, без твердой идеи, без совести, без стержня, — была наилучшим трамплином для большевиков. Февралисты все время блуждают между двумя берегами: совестью и техническим прогрессом. Но о совести они только говорят, а техническому прогрессу усердно поклоняются. Они не понимают, какая зловещая развергнута здесь бездна: как может технический прогресс подменить собою человеческую совесть. Тот же автор говорит: „...установление более справедливого правопорядка, чего и требовала революция 1917 года“. То есть он хочет будто бы опереться на сознание, на совесть. — Нет: — „Природа этих (демократических) настроений одинакова: она обусловлена развитием индустриальной культуры; эти настроения есть и в коммунистических странах, рожденные там техническим прогрессом...“ Увы: техническим прогрессом, а не совестью, настроения, а не мысли. Дьявол на горе поманил их всех видением Земного Царства, обещал им дать полную власть над этим царством, — и они уже не в силах понять, что значит — Совесть. Они во власти чувства, а не идеи.

А совесть, это — личность: личное, а не формальное и не техническое стояние пред Богом. А личность означает также и нацию и ее, нации, стояние пред Богом. Вот почему нация является для демократа злейшим препятствием, о чем и говорит все тот же автор. Им нужен технический прогресс — и полная нивелировка, безличие. То есть — отсутствие совести. Им нужен западный стандарт. А, при отсутствии совести, — „как будет поступать Запад, — это вряд ли ясно и ему самому“.

И дальше все то же блуждание: — „Есть ли у Запада достаточно, прежде всего, духовных сил, чтобы почувствовать себя на высоте задачи?“ — Д у х о в н ы х. — „И содействовать преобразованию мира, но отличными от коммунистических, демократическими методами?“ А демократическое рождается не от Духа, а от технического прогресса, от Земного Царства, — от Духа особого, и от коммунистического отличается очень мало. Потом автор это и сам признает — „Вероятно формы и черты жизни народов нынешних „двух систем“ сольются в нечто общее“.

Национализм, личность их совершенно не устраивает. Он „мешает усвоению истины“. „Для Запада это явление — анахронизм, в преодолении которого и обнаруживается ведущее значение европейской культуры“. В то же время: — „Запад обладает очень большими силами... Но это привело пока что главным образом к непомерному усилению потребительских тенденций. Запад, в сущности, ничего бы не хотел, как только мирно жить, производить для того, чтобы потреблять, и вести потребительскую жизнь...“ Понятно: это же — прямой результат технического прогресса! Какой уж тут идеализм! Какая совесть!..

Дальнейшие блуждания я опускаю.

Дорогой читатель! Поднимаемся с Вами на одну пустынную гору; там дьяволом искушается Искушитель мира. Посмотрим вокруг — и решим с кем мы? С тем ли, кто предлагает нам устроить Земное Царство земными способами, методами ЧК; или с Тем, Кто от века звал нас в Свое, Совершенное Царство? Хотим ли потребительской жизни — или жизни совестной, трудной, осмысленной, — жизни во Христе?..

П. Рачин

публициста и блестящего художника-лирика, так в особенности теперь, как здесь, так и там, Розанова старались и стараются замолчать, отодвинуть его в тень, так или иначе умалить гений и яркость его личности или, в крайнем случае, представить его в изуродованном, нагло искаженном виде под соусом издания „Избранных“ отрывков из его книг, но так избранных, чтобы создать у читателя, политически малоопытного и умственно наивного, самое отвратное и, главное, ложное представление об этом чисто русском, национально-патриотическом писателе-философе и погасить всякое положительное значение его в ходе и развитии русской культуры — ценнейшей по силе своего духа и по глубине ее озарений.

Этот метод извращения и опорочивания русской культурной элиты одно время в Зарубежье процветал, да и теперь процветает довольно пышно. Достаточно вспомнить такие книги, как „В. В. Розанов. Избранные“, или „К. Леонтьев. Египетский голубь“, или „Ф. Тютчев. Избранные стихотворения“, или „А. Хомяков. Избранные сочинения“, чтобы понять всю мерзость замысла врагов Государства Российского Царств. Можно подумать, что в этих книгах, изданных в Зарубежье, собрано самое яркое, типичное, главное и ценное, тогда как на самом деле ничего этого в данных книгах нет, а есть понадерганное, по кусочкам „избранные“, обязательно слабое, незаконченное и умаляющее.

И Розанов, и Константин Леонтьев, и Ф. Тютчев, и А. Хомяков — пророки, которые, поистине, своим божественным глаголом жгли сердца людей, а нам их подсовывают какими-то тенями безликими, немощными, рядовыми и „в сущности никому ненужными“. Но света все-таки не угасить тьме и настанут дни, когда творениями этих наших замечательных мыслителей и поэтов будут жадно зачитываться русские люди и учиться у них, как надо любить и свою Землю Русскую и ее исторические святыни: идеалы Русской Государственности и благодать нашей Православной Церкви Святой.

Ниже мы приводим наиболее характерные из тех „Опавших листьев“ (два тома), в которых мысли Розанова сверкают особенно выразительно и наглядно своей глубиной и своим озарением.

I. О русской предреволюционной общественности.

Из 3-й тетради Короба второго „Опавших листьев“, 1915 года, Петербург:

...Мне давно становится глубоко противною эта хвастливая и подлая поза, в которой общество корежится перед „низким“ правительством, „низость“ ко-его заключается в том одном, что оно было занято делом и делом таких размеров, на какие свиное общество решительно не в силах было поднять свой хрюкающий „пятак“ (конец морды). Общество наше именно имело не лицо, а морду, и в нем была не душа, а свиной хрюк, и ни в чем это так не выразилось, как в подлейшем, в подлом из подлых, отношении к своему правительству, которое оно било целый век по лицу за то, что оно не читало „писем Белинского“ и не забросило батальоны ради „писем Белинского“.

Но с „письмами Белинского“ и супругой Чернышевского, если бы подобно нам и правительство сыропилося в них, повторяя:

Ах, супруга ты, супруга,

Ах, небесная моя!

то Балканы остались бы, конечно, Балканами, Сербия была бы деревенькой у ног Австрии, болгарские девушки шли бы в гаремы турок, болгарские мужчины утирали бы слезы и т. д., и т. д., и прочее, и прочее.

Но сам Струве, сам, целует пятки и колени подлому Желябову, считая его „политическим гением“, а не хвастунишкой-мужиченком, которого бы по субботам следовало пороть в гимназии, а при неисправлении просто повесить, как чумную крысу с корабля.

Что же это такое, что же это за по-месь безумия и подлости, что когда убили Александра II, который положил же свой труд и пот за Балканы, тот же Струве не выдает из себя ни одной слезинки за Государя, ни одного доброго слова на Его могилу, а льстиво

и лакейски присюсюкивает у Желябова, снимает с него носки и чешет ему пятки, как крепостная девчонка растопыренному барину...*)

Да, с декабристов и даже с Радищева еще начиная, наше общество ничего решительно не делало, как писало „письма Шпоньки к своей тетушке“, и все эти „Герцены и Белинские“ упражнялись в чистописании, гораздо бесполознейшем и глупейшем, чем Акакий Акакиевич.

Сею рукопись писал

И содержание онной не одобрил.

Петр Зудотешин.

Петр Зудотешин.

Петр Зудотешин.

Вот и все „полные собрания сочинений“ Герцена, Белинского и „шестидесятников“.

...Батальон и элеватор.

Но кто его строил? Александр II и Клейнмихель. Да, этот колбасник, которого пришлось взять Царям в черный час истории, потому что собственное общество, потому что сами-то русские все скрылись в „письмо тетеньки к Шпоньке“, в обаятельную Natalie... .

О, какие уездные чухломские чумички они, эти наши социал-демократы, все эти знаменитые марксисты, все эти „письма Бакунина“ и вечно топырящийся Герцен. Чухлома, Ветлуга, пошлая попадьа — и не более, не далее. Никому они не нужны. Просто они — ничего.

Эта подлая Чухлома проглядела перед своим носом:

Александра II и Клейнмихеля, которые создали Эрмитаж, создали Публичную Библиотеку, создали Академию Художеств, создали как-никак восемь университетов, которые, если и плохи, то уж никак не по вине Клейнмихеля и Александра II, которые виновны лишь в том, что не пороли на съезжей профессоршк, как следовало бы.

— Во фронт, потное отродье! — следовало бы им скомандовать!

— Вылезайте из-под одеяла, окачивайтесь студеной водой и пошли делайте с нами историческое дело: и освобождения крестьян и постройки элеваторов.

Тут объясняется и какая-то жестокая расправа с славянофилами:

— Эх, все это — болтовня, все это — „Птичка Божия не знает“, когда у нас:

Ничего нет,

Элеваторов нет,

Хлеб гниет на корню,

Когда немец или японец завтра нас сотрет с лица земли.

— В солдаты профессоров!

Да, вот команда, которую, хоть ретроспективно, ждешь, как манны небесной.

Боже мой: целый век тунеядства и такого хвастливого!

В „Былом“ о чумных крысах рассказано „20 томов“, сколько не было о всей борьбе России с Наполеоном, сколько, конечно, нет о „всех элеваторах“ на Руси, ни о Сусанине, ни о всех Иоаннах, которые строили Русь и освободили ее от татар.

Поистине, Цари наши XIX века повторяли работу московских первых Царей — в невозможных условиях хоть построить что-нибудь, хоть сохранить и сбереж что-нибудь. В „невозможных условиях“: так как общество ничего не делает и находит в том свою гордость.

Безумие, безумие и безумие. Безумное общество. Как объясняется и Аракчеев, как объясняются вспяшки люто-сти и в нашем правительстве:

— Да что же вы ничего не делаете?!

Об Аракчееве только и кричат, что он откусил кому-то нос. Ну, положим, откусил, но ведь не осталась от этого „безносой“ Россия. Подлецы: да, шляясь по публичным домам, вы не один „нос“ потеряли, а 100 носов, 1000 носов, говорят даже у самого „финансиста“ не достает носа*), и если бы вовремя зверь-Аракчеев послал к чорту эти дома, то он — зверь — сохранил бы 1000 носов, а за 1000 носов можно обменять один откушенный. Нужно железно!

*) Речь идет о марксисте — Петре Бернгардовиче Струве, умершего в Зарубежье при горчайшем раскаянии за свои окаянные заблуждения. Желябов — один из убийц Государя Императора Александра II — ОСВОБОДИТЕЛЯ.

Примечание М. С-го.

*) Намек на С. Ю. Витте, министра финансов. Примеч. М. С-го.

К ДРУЗЬЯМ!

Дорогие Друзья!

Выздоровление мое идет все тем же темпом: улучшения работы сердца чередуются с ухудшениями. День — лучше, два — хуже, и наоборот.

Доктор продолжает бороться за нормализацию сердечной деятельности и, несмотря на все трудности, рассчитывает на успех. В этот успех верю и я, сознавая, однако, что он еще не так близок.

Вс. Дубровский

25 июня с. г., в 17,15 час., в Русском Доме (Карлос Кальво, 2851) состоится

Ч А Ш К А Ч А Я

КРУЖКА ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

М. Е. Булыгина прочтет рассказ Тендрякова „УХАБЫ“. После чтения — обмен мнениями.

Этим железом и был „Сила Андреевич“, к которому придираются еще за „Настасью“, хотя сам придирающийся профессор лезет в ноги своей „Парасковье“ на кухне, тоже под ватное одеяло. И вообще это (любовницы) мировое и общее, а не свойство Аракчеева“.

Да, один Аракчеев есть гораздо более звучащая и более творческая, а следовательно даже и более либеральная („движение вперед“) личность, чем все ничтожество из 20-ти томов „Былого“, с Михайловым — „дворником“ и Тригоном и всеми романами и сказками „взрыва в Зимнем Дворце“.

„Колокол“ Гауптмана — в него звонит Аракчеев, а не Тригоны. Шиллер и Шекспир — писали об Аракчееве, а вовсе не о Желябове. Поэзия-то, философия-то русской истории, ее святое место, — и находится под ногами... страшно и слезно сказать, но как не выговорить, взвизывая на целый Балканский полуостров, на возрождение 18-ти миллионов народа, что... эта святая земля нашей России — под ногами, скажем ужасное слово, просто Клейнмихеля.

Да. Лютеранина и немца. Чиновника, кинодрала. Узкой душонки, которая умела только повиноваться. Но она повиновалась безропотно, безропотно, как летящий в небесах ангел — Царю,

Который один и сделал все. Вот вам ответ на „Историю русской литературы“.

✱

Пусть читатель внимательнейшим образом прочтет и перечтет вышеприведенные Розановские „листья“ и обязательно крепко задумается буквально над каждой фразой, чтобы понять кого мы имеем в лице Розанова. И через Розанова рассмотрит поближе и внимательнее тех „просвещенных“ людей, которые с университетской диссертацией в кармане так гордо гарцовали по России и так гордо мнили себя „передовыми“ и „прогрессивными“ и которых за их тунеядство, действительно, следовало бы пороть на съезжей.

И вот сидим мы „на реках Вавилонских“. Пятый десяток лет! И скулим иногда, мечтательствуем, рассыпавшись по своим углам, как горох. А считаешь Розанова и лезет в голову вопрос, неудобный в наши загадочные дни, но назойливый: — не пора ли нам вылезать из-под нашего одеяла не то Обломовского сна, не то зарубежного благодушья, окатиться студеной водой и идти делать великое и святое историческое дело вызволения России из-под навалившегося на нее гноя и тлена социалистического блуда и бреда, — кровавого и окаянного?!

— Но что значит „идти делать“? это в наши-то дни „мирного сосуществования“!

Это значит, что нам, русским людям, надо прежде всего соблюсти первое правило благо-разумия, то есть свою растопыренную пятерню сжать, хорошо сжать. И не как-нибудь и не где-нибудь, а под спасительной сенью идеалов Русской Государственности. Это поможет нам быть в той духовной среде, которая нас взрастила, и сохранить свой национально-духовный облик. И верно ощутить как свою духовную жизнь, так и духовную жизнь своего народа, — и не быть отпавшей частью...

М. М. Спасовский

(Продолжение следует)

Внебник Наблюдателя

Разговор пойдет о венских булочках. Однако, предварить его придется рассуждением о нейтральности. Если помните, в прошлой записке говорилось, что индус Дайал принадлежит к нейтральным, но стоящим на стороне коммунистов. На днях пришлось узнать, что Каирские газеты решительно протестуют против рассуждений Москвы, которая решила, что все нейтральные должны быть про-советскими. Арабская Объединенная Республика настаивает на том, что она подлинно нейтральна! Что же касается Австрии, то о ней слышно, что она, хотя и не очень смело, но если не заявляет, то все-таки соглашается признать в том, что она Западно-нейтральна.

Итак, если с недавних пор политика наградила географию рядом новых терминов и создала Южную Корею, Северный Вьет-Нам, Восточную Германию и т. д. и т. п., то вот теперь мы пришли еще и к обогащению слова «нейтральный». Огнине надо знать, что есть коммунисто-нейтральные и есть западно-нейтральные. Впрочем, мы об этом знали и раньше, как знали и то, что нейтральность вообще есть понятие ложное. Еще более ложное, нежели понятие о сосуществовании.

По-настоящему с коммунизмом может быть постановака вопроса только по-Ленински: либо «за», либо «против». Демократии еще продолжают стоять в позиции ни «за», ни «против», но боль-

шевики упорно не желают признать марксизм чисто теоретически и, признавая его по-Ленински, то есть в практическом применении, как руководство к революционному действию, жмут мир свободной демократии, где только можно. Пока что удается. Демократия же удивляется и, как сказал А. С. Пушкин, — «крехтит, да жмет».

Отправляясь в Вену для встречи с Хрущевым, Дж. Ф. Кеннеди говорил о своей решительности, твердости и непреклонности. Хрущев это все слышал и настроил свою скрипку соответственно, в тон тому, что говорил Кеннеди. Вел себя Хрущев в Вене!.. — как примерный дипломат. Ни крика себе не позволил, ни сапогом по столу не стучал. Все удивлялись.

Поэтому венская встреча и конференция прошла в духе столь же мирном и спокойном, как тот июльский день, когда она состоялась. Было тепло, дождя не было, не дули и ветры. Газеты разнесли по всему миру добрую весть о мире во всем мире, о том, что Кеннеди с Хрущевым сговорились относительно Лаоса и прочего, и нашли своеобразным развлечением читателей прибавками о том, как проводили время в Вене супруги конферирующих вождей двух политических лагерей. Получилось даже в рифму: тут Нина, там Жакелина! Дивно! Правда, было отмечено, что г-жу Кеннеди венская толпа встречала восторженными аплодисментами, а Хрущеву без улыбок и без аплодисментов.

Потом Хрущев вернулся в Москву, едва поспев на встречу приехавшего к нему на поклон Ахмета Сукарно, Кеннеди же поехал к туманным лондонским берегам для собеседования с Мак Милланом. Англичане газетными заголовками похлопали Кеннеди по плечу за то, что он, де, подкачал насчет борьбы за дело мира. Большевиканствующий граф Руссель, почитаемый за гениального философа, за свои 88 лет жизни дожил до такого ума, что предъявил Кеннеди ультиматум с требованием убрать из английских вод американскую подводную лодку, вооруженную атомным оружием. Иначе Руссель грозит демонстрациями и беспорядками со стороны пацифистов. Английские пацифисты, похоже, за мир готовы на войну идти! Руссель поставил срок: чтоб к сентябрю американской подводной лодки в Холи Лох не было! Не то!..

Мак Миллан остался вполне доволен докладом Кеннеди, и Президент САСИШ отпраздновал воссоединение. Из его речи, произнесенной по возвращении домой, на ясные улыбки венских слобных булочек налегла небольшая тень, ибо ему пришлось сказать, что — «Хрущев живет в сознании, что коммунизм будет распространяться, и отсюда возникает вопрос, может ли такая система существовать рядом с системой Западной».

«Воздерживаясь от атомных атак, коммунизм действует подрывной работой и местные коммунисты захватывают власть в свои руки, без того, чтобы коммунизм переходил государственные границы».

Лишь только погода помрачнела от речи Кеннеди, как еще объявилось, что в Вене Хрущев вручил Кеннеди две памятные записки. Обе, приблизительно в одном духе: «Убирайтесь, господа, из Берлина!»

Кеннеди же заявил, что Америка из Берлина не уйдет. Резким диссонансом этому прозвучала газета лорда Бинербрука «Дэйли Экспресс», заявившая, что, в общем и целом, лучше из Берлина уйти, чтобы не усложнять вопрос мировой политики. А то еще и впрямь, как бы Берлин до войны не довел! (Англичанка — дело известное!) Правда, Мак Миллан на другой же день поправил дело, заявив, что целиком разделяет политику Кеннеди.

Общая настроенность демократического мира сводится к выжиданию: удастся ли предотвратить войну до тех пор, пока Красный Китай достанет себе атомную бомбу, или нет? Поэтому американская политика держится старых позиций, проявляя терпение, которому стоит поучиться!

Женевская конференция «имени тов. Царапкина» уже зашла за 316-е заседание. Условие игры такое: американе вносят предложение, а большевики говорят: «вето»! Так с самого начала 316 раз! Со счету пока еще кажется не сбилось. Но до каких же пор хватит арифметических способностей, чтобы считать заседания?

С конференцией о Лаосе приблизительно то же самое. В Женеве толкуют о том, чтобы проверять действенность договора о перемирии, а в Лаосе дерутся. В Англии уже по этому поводу начинают сердиться, но Кеннеди еще надеется и приказывает продолжать играть в терпение.

В 1950 (пятидесятом) году в САСИШ было постановлено, чтобы коммунистическая партия была зарегистрирована, как агентство Советского Союза. Этот законопроект находился у Главного Судьи, Франкфуртера, на рассмотрении, в течение десяти лет. Злые языки судачили, что Франкфуртер нарочно тормозит дело. Но вот на прошлой неделе закон все-таки вошел в силу. Отныне коммунистическую партию власти САСИШ могут обязать выдать список ее членов, дать отчет об источниках своих средств, а также пометать все свои издания, как издания коммунистической пропаганды.

В республике Доминико в результате поисков был обнаружен и, при оказании им сопротивления, убит генерал Диас, — убийца генерала Трухильо. Власть в стране находится в руках Президента Беллера, который заявляет о том, что Доминико будет держать политику верности блоку Западных держав и направленную против коммунизма. Не доверяя этим заявлениям, Организация Американских Государств находит нужным произвести расследование в Доминико. Становится известно, что САСИШ восстановят добрые отношения с республикой Доминико, когда убедятся в том, что там господствует демократия, что там нет полицейского режима и что там будут свободные выборы. Высказывают опасения, что доминиканская диктатура может быть опасна для дела мира.

Интересно знать, как эти американские политические деятели смотрят на мир и дружбу с СССР? Там уж не все ли идет по маслу? Ни тебе полицейского режима, ни притеснения, и повсюду только и происходят свободные выборы. Продолжается конференция между французами и алжирскими повстанцами. Тут, кажется, получается как в поговорке: «Пусти козла в огород!» Де Голль мечтает сговориться с ними о независимости и сотрудничестве. А они, еще не дождавшись договора о независимости, уже затевают переговоры с фирмами, находящимися вне Франции о содействии независимой алжирской промышленности, а Франция? Ей укажут: «Вот Бог, а вот порог!»

Говоря о Франции уместно тут же упомянуть о странном впечатлении от Контора газеты «Наша Страна» очень просит г.г. подписчиков, имеющих возможность внести подписную плату за полгода или за год вперед, сделать это незамедлительно.

достижений воздухоплавания. Под Парижем происходит фестиваль, посвященный авиации. Ради этого фестиваля американский самолет повторил перелет Линдберга, совершенный им в 1927 году с той разницей, что вместо 33 часов с лишним в этот раз полет занял 3 часа 19 минут и 41,5 секунды. Это был бомбардировщик В-58 (Б-58) Ху-стлер.

В ходе того же фестиваля этот же самолет, только с другой командой, поднялся для демонстрации над 20.000-ной толпой в Ле Бурже и, не успев пролететь и 5 минут, врезался в землю со всей скоростью, явив беспомощность человеческой силы, обманывающей себя в своих достижениях. Глядя на мелкие обломки, оставшиеся от самолета, кто станет утверждать, что человек подчинил себе воздушную стихию?

Адлай Стивенсон, по поручению Кеннеди совершает обезд Южно-Американских республик. Он был приветливо встречен в Аргентине Президентом А. Фрондиси, который в беседе со Стивенсоном подчеркнул необходимость заботы о повышении жизненного уровня в Аргентине. После этого Стивенсон поехал в Уругвай. Хотя встречен он был и там с одинаковым почетом и приветом, студенты — сторонники Фиделя Кастро — устроили Стивенсону враждебную демонстрацию.

Фидель ведет свою политику ловко и акции его в Южной Америке стоят гораздо выше, чем того хотелось бы. С Сев. Америкой он разговаривает свысока и на словах держит себя независимо и от СССР. Тракторную сделку ведь он предложил Америке под тем соусом, чтобы, дескать, дать Соединенным Штатам возможность расплатиться по репарациям с Кубой за вторжение. Америка настаивает, что это — частная акция, в которой, де, государство не имеет никакого отношения. Кастре все равно. Тракторы он получает от Америки!

Ему поставили срок для заключения договора, по поводу чего он ставит свои условия, причем делает это в такой форме, что даже Рузвельтша выражает свое «фе!» по адресу Кастро. А уж она ли не привыкла гнуть спину перед красными. Теперь Кастро говорит, что он не коммунист и что на Кубе революция не коммунистическая, а социалистическая. То же подтверждает и Хрущев, говоря, что Кастро не коммунист. Дело понятное. Так Хрущев помогает Кастре.

В последней своей речуге Кастро объяснил кубинцам, что он считает выборы устаревшим методом управления государством, методом, который себя изжил. Хотя демократический дух южно-американцев горячо противится такой мысли, число сторонников у Фиделя растет. Куба наводнена советскими советниками и кубинские крестьяне (1.000 человек) поехали изучать передовые методы сельскохозяйственной техники в колхозах. Куба все больше и больше надоедает.

Попытка кастристского переворота была сделана в Боливии, но кончилась безуспешно. Переворотчиков во время посадили, но в Бразилии происходит нечто, заставляющее подумать, не получилось бы какой-нибудь безобразии! Президент Куадрос с самого начала прославил себя красноватыми тенденциями. Теперь советчики усиленно с ним заигрывают. Бразильская делегация уже находится в Москве и сговаривается о торговых связях. А в самой Бразилии, в пораженном коммунистическими тенденциями городе Ресифе, в университете, должна была с речью выступить мать аргентинско-кубинского большевика Че (киста) Гевары. Директор университета запретил ей читать лекцию в здании университета, на что студенты подняли возмущение с требованием об увольнении директора. Волнения нарастают. Студенты заняли университетские здания и в Ресифе посланы отряды армии. Город переживает напряженные дни, ибо все стоит на границе безобразия!

Положение дошло до такой меры, что никто не знает, — в какой момент и по какому поводу коммунисты могут поднять вооруженное восстание и захватить власть в стране, «не переходя государственной границы», как, если помните, выразился Кеннеди.

Вот, видите, что получается. А вы говорите венские булочки...

Наблюдатель

Розыски

Виктория Ивановна Бурт, урожд. Афутина разыскивает г-жу Марию Савину (покинула Бухарест в 1946 или 1947 году. Выхала с инженером Дан Моску в Рио де Жанейро, Бразилия).

30-го июня с. г. оканчивается контракт по аренде буфета при Русском Доме. Лиц, желающих участвовать в конкурсе по аренде буфета, просят представить свои предложения в письменной форме в Правление Русского Дома (Карлос Кальво, 2851) не позже 20-го июня.

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
(говорит по-русски)
Специальное лечение корневых зубов.
Искусственные зубы.
Рентгеновские снимки.
Прием ежедневно от 15 до 20 час.
Boulogne Sur Mer 451, p. 2, dpto. H Capital T. E. 88-3605
(Один квартал от станции субтеранео «Пуэйрредон» по линии Федерико Лакросе).

17-го июня 1961 года точно в 18 часов в театральном салоне
"COLEGIO DE LA SALLE" — RIO BAMBA 650
будет представлена оперетта
"СИЛЬВА"
в 3-х действиях, музыка Кальмана.

ХОР — БАЛЕТ — ОРКЕСТР

Режиссер: Борис НОРТОН Балетмейстер: И. Эрглис СМАЛЬЦОВ
Дирижер: Людвиг ГЕРМАН
Билеты от 30 до 100 песо продаются у исполнителей, в Русском Доме на Карлос Кальво 2851 и в Русском Доме на Вижа Бажестер (г. Дараган).
В день спектакля на Рио Бамба 650 от 14 часов.

ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ РУССКОГО ТЕАТРА

В "Салоне де Актос", Чаркас 1155
В субботу 24 июня 1961 г. в 20.30 и в воскресенье 25 июня 1961 г. в 16.30
"ХОЗЯЙКА ГОСТИНИЦЫ"
(Мирандолина).
Комедия в 3-х актах К. Гольдони
В спектакле участвуют: Г-жи: И. ЛАНСКАЯ, М. ПАВЛОВА, Т. СЕДЛЕЦКАЯ.
Г-да: В. ГУЛЕВИЧ, А. ЛЫГИН, А. ЛОПАТКИН, М. РАЗУМНЫЙ, Н. СЕДЛЕЦКИЙ
Режиссер: В. Н. ГУЛЕВИЧ Ассистент Режиссера: Л. В. ГУЛЕВИЧ

Билеты по цене от 75 — 30 песо у участников спектакля
Заказы на билеты принимают в ДРБ по Тел. 97-0447, а также от 17 до 19 час.
по Тел. 795-8136.

ГОТОВИТСЯ К ПОСТАНОВКЕ: "МОИ БЕБИ"